

РЕСУРСНОЕ БОГАТСТВО КАК ОГРАНИЧЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹

RESOURCE WEALTH AS A LIMITATION OF THE URAL FEDERAL DISTRICT ECONOMY MODERNIZATION

Г.Ф. Ромашкина
G.F. Romashkina

Тюменский государственный университет
Tyumen State University

Статья поступила в редакцию 7 ноября 2014 г.

Исследуются процессы модернизации в Уральском федеральном округе. Показано их отставание от среднероссийских темпов, но, как и в среднем по России, с опережением социальной составляющей. Продемонстрировано действие ряда институциональных ловушек. Основное противоречие текущего момента заключается в том, что регионы России, наиболее успешно развивающиеся в социально-экономическом и социокультурном пространствах, не являются таковыми в пространстве модернизационных изменений. На конкретных эмпирических данных показаны оси торможения модернизации, дана характеристика факторов и эффектов. Используются результаты исследований, проводимых в российских регионах по программе «Социокультурные портреты регионов России»: Тюменской (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), Челябинской, Свердловской областях. Показано торможение процессов модернизации в регионах, которые долгое время остаются основой экономики России, что переход к развитию, основанному на инновациях, может начаться лишь при значительном сокращении объемов природной ренты, или ее перераспределении в интересах России.

The modernization processes in the Urals Federal District are investigated. It is shown that the UFD's modernization processes lag behind the national average rates, but as the average in Russia, it is characterized by the advancing social component. The institutional traps effect is demonstrated. The main contradiction of the current moment is that the Russian regions, which are the most successful in developing socio-economic and socio-cultural spaces, are not successful in the space of modernization changes. The axis braking upgrades are shown, the factors and effects characteristic is given based on specific empirical data. The research results conducted in Russian regions under the program "Social and cultural portraits of Russian Regions": Tyumen Region, Chelyabinsk region, Sverdlovsk region are used. The article shows the inhibition of the modernization processes in the regions that have long been the backbone of the economy of Russia, the transition to development, based on innovation, can begin only with a significant reduction in natural resource rents, or its redistribution in the interests of Russia.

Ключевые слова: мониторинг, индекс технологической и экономической модернизации, ценности, социальное самочувствие, компаративистика.

Key words: monitoring, index of technological and economic modernization, values, social wellbeing, comparativistics.

Уральский федеральный округ (далее – УФО) – один из самых богатых минерально-сырьевых регионов России. УФО находится в самом центре России, включая в себя шесть субъектов Российской Федерации: четыре области (Свердловскую, Челябинскую, Курганскую, Тюменскую) и два автономных округа (Ханты-Мансийский – Югра (далее – ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкий (далее – ЯНАО)). Общая площадь территории округа составляет 1 818,5 тыс. кв. км, почти 11 % площади Российской Федерации. Административный центр УФО – город Екатеринбург. УФО располагает значительными запасами железных, титаномагнетитовых и медных руд, цветных, благо-

родных и редких металлов, торфа, асбеста, нерудных строительных материалов, драгоценных и полудрагоценных камней, лесными ресурсами. В ХМАО-Югра и ЯНАО разведаны и осваиваются нефтяные и газовые месторождения, относящиеся к Западно-Сибирской нефтегазодобывающей провинции, в которой сосредоточено около 67 % отечественных запасов нефти (6 % мировых) и 78 % запасов газа (26 % мировых).

По оценкам на 1 января 2013 г., в УФО проживает более 12 млн чел., что составляет 8,5 % населения страны. Освоенность макрорегиона существенно отличается, быстро снижаясь от юго-запада к северо-востоку. Плот-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 12-03-00304.

ность населения в целом 6,7 на 1 кв. км, наиболее плотно заселена Челябинская область (39,3 чел. на 1 кв. км), наименее заселен ЯНАО (0,7 чел. на 1 кв. км), основная территория которого приближается к Северному полярному кругу. УФО отличается высокой урбанизированностью: во всех его регионах, кроме Курганской области, более 75 % населения проживают в городах. Степень освоенности территории также весьма различна; только Курганская и Челябинская области имеют более 100 км

асфальтированных дорог на 1 000 кв. км территории. Численность экономически активного населения в целом по макрорегиону за последние 20 лет мало изменилась, но происходили процессы перераспределения населения – снижение в Свердловской и Курганской областях и рост в Тюменской области (рис. 1). Положительная динамика выделяется на фоне практически отсутствующего роста численности экономически активного населения в целом по России (+1 %).

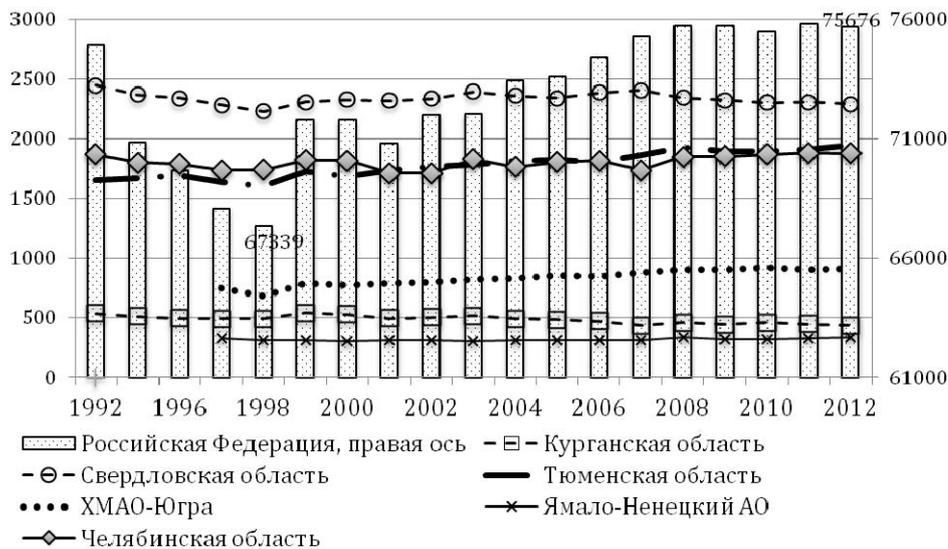

Рис. 1. Динамика численности экономически активного населения (тыс. чел.), 1992–2013 гг. Российская Федерация – правая ось, регионы УФО – левая ось [1, с. 27; 2, с. 30–31]

До 65 % ВРП УФО приходится на Тюменскую область, а входящий в состав региона ХМАО-Югра производит 36 % ВРП макрорегиона. Отметим, что динамика ВВП России весь

период после 2000 г. практически подобна динамике ВВП ХМАО-Югры, но размер ВВП субъектов Тюменской области составляет от 1 до 5 % всей России (рис. 2) [1, с. 9–25].

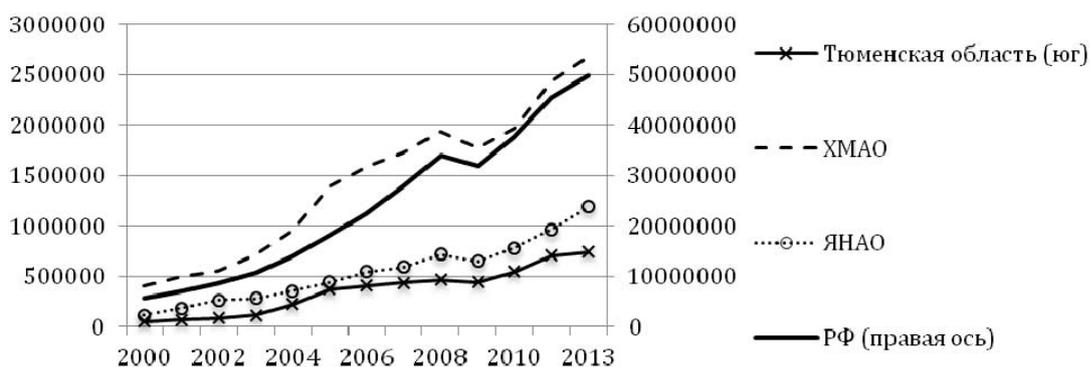

Рис. 2. Динамика ВВП России (правая ось) и регионов Тюменской области (левая ось), руб.

Такой парадокс обусловлен тем, что основная часть компаний, добывающих и продающих ресурсы в России, зарегистрирована совсем не в тех регионах, где осуществляется основная деятельность. При этом по структуре занятости более половины занятых работают в обслуживающих экономику и население отраслях, что

соответствует современной системе распределения труда (табл. 1) [1, с. 94–102]. Однако, учитывая, что вклад в ВВП этих отраслей крайне неравномерен, поскольку в российских условиях несоизмеримо велик вклад нефтегазодобывающей отрасли, структура доходной части региональных экономик также неравномерна.

Таблица 1

Структура занятости по секторам экономики, % от всех занятых

Регион	Сельское, лесное, рыбное хозяйство, добыча полезных ископаемых		Обработывающие производства, энергетика, строительство		Торговля, услуги, социальная сфера и управление	
	2005 г.	2012 г.	2005 г.	2012 г.	2005 г.	2012 г.
Уральский ФО	12	11	30	27	58	62
Курганская область	18	14	21	21	61	65
Свердловская область	8	6	32	29	60	65
Тюменская область	18	19	26	24	56	57
ХМАО-Югра	19	22	26	23	55	55
ЯНАО	23	24	32	33	45	42
Челябинская область	9	8	34	30	57	62

В целом по округу резкий спад рождаемости, характерный для периода 1990–2000 гг., сменился постепенным ростом (+1,5 в 2012 г.), но этот рост обеспечивает только Тюменская область (включая северные территории) (рис. 3). Миграция только усиливает процессы раз-

деления территорий на развивающиеся и деградирующие, поскольку основные регионы, притягивающие миграцию – Югра, ЯНАО и юг Тюменской области. Курганская область год от года теряет население, все более ослабляя человеческий капитал.

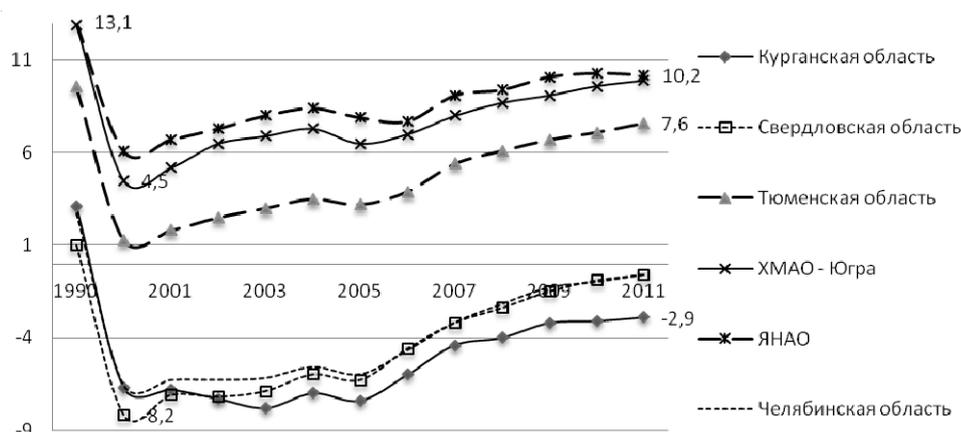

Рис. 3. Динамика естественного прироста населения УФО, % в год

Анализ развития регионов России за последние 20 лет может быть проведен как в терминах трансформации, т. е. перехода от советской к постсоветской экономической модели, так и в терминах модернизации. Исследования модернизации опираются на множество теорий. В их число входят теория экологической модернизации Дж. Губера (1985) [3], теория рефлексивной модернизации У. Бека (1986) [4; 5], теория продолжающейся модернизации У. Запфа (1991) [6], «новая модернизация» Э. Тиракьяна (1991) [7] и ряд других концепций, в том числе и теория вторичной модернизации Хэ Чуаньци (1998), которая послужит основой для нашего анализа [8]. Так или иначе, теория модернизации предполагает наличие образца, в концепции Хэ Чуаньци в качестве образца приняты уровень и характер развития 19 наиболее развитых стран мира.

Общая характеристика методики измерения модернизации. Сущность концепции Хэ Чуаньци сводится к анализу двухэтапной модернизации: первичной и вторичной. Первичная модернизация (далее – ПМ) – переход от аграрной цивилизации к промышленной цивилизации и эре, она включает аналогичный переход от аграрной к индустриальным экономике, обществу, культуре и т. п. Вторичная модернизация (далее – ВМ) – переход от промышленной цивилизации к цивилизации, основанной на знаниях, в это время также наблюдается переход к информационной экономике, обществу, культуре, происходит переход от материальной культуры к так называемой «постматериальной». Как отмечает автор концепции Хэ Чуаньци, динамика ПМ проявляется в капитале, технологии и демократии, в то время как динамика ВМ проявляется через инновации в

знаниях, институтах и человеческом капитале [8, с. 44]. В разных странах и регионах цивилизационный процесс шел асинхронно, поэтому возможно разное соотношение стадий модернизационного развития. Развитые страны (страны-лидеры) проходят последовательно эти стадии: сначала завершается ПМ, затем осуществляется переход к ВМ. Страны развивающиеся («догоняющие») в условиях мировой конкуренции стараются обогнать друг друга и достичь высокого уровня развития, пытаются совместить одновременно реализацию и ПМ (индустриальной), и ВМ (информационной). Координированное развитие обеих модернизаций называется интегрированной модернизацией (далее – ИМ).

Результатом оценки модернизации являются три вида индексов модернизации: индекс первичной модернизации (далее – ИПМ), индекс вторичной модернизации (далее – ИВМ) и индекс интегрированной модернизации (далее – ИИМ). Они отражают уровни модернизации в экономическом, социальном, информационном и других секторах. ИПМ способен лучше отразить ее ход в развивающихся странах

(и регионах), ИВМ лучше отражает ее актуальные уровни в развитых странах (и регионах), а интегрированный индекс одновременно показывает относительные уровни модернизации в тех и других. Для каждой из двух стадий модернизации создана своя модель количественной оценки, включающая свой набор индикаторов и их стандартных значений. Результатом оценивания служат итоговые индексы модернизации. Для количественной оценки ПМ учитываются 10 индикаторов, которые характеризуют три области жизни индустриального общества: экономическую, социальную, уровень знаний (табл. 2) [8]. Модель оценки ПМ разработана с учетом оценочных индикаторов, предложенных американским ученым А. Инкелесом еще в 1980-х гг. [9] Учитывая, что модернизация – это, в самом общем виде, усовершенствование, изменение соответственно требованиям современности, необходимы критерии «современности», т. е. предполагается наличие образца. Например, наиболее развитые страны могут выступать как стандарт общественного благоустройства.

Таблица 2

Индикаторы процессов модернизации

Модернизация	Индикаторы		
	экономические	социальные	уровня знаний
Первичная	<ul style="list-style-type: none"> – ВРП на душу, дол. США; – доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых, %; – доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВРП, %; – доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП, % 	<ul style="list-style-type: none"> – доля городского населения, %; – число врачей на 1 000 чел., ‰; – уровень младенческой смертности, ‰; – ожидаемая продолжительность жизни, лет 	<ul style="list-style-type: none"> – уровень грамотности среди взрослых, %; – доля студентов, получающих высшее образование, среди населения в возрасте 18–22 лет, %
Вторичная	<ul style="list-style-type: none"> – ВРП на душу, дол. США; – ВРП на душу населения по паритетной покупательной способности, дол. США; – доля добавленной стоимости материальной сферы в ВРП, %; – доля лиц, занятых в материальной сфере, в общей занятости, % 	<ul style="list-style-type: none"> – доля городского населения, %; – число врачей на 1 000 чел., ‰; – уровень младенческой смертности, ‰; – ожидаемая продолжительность жизни, лет; – потребление энергии на душу, кг нефти на душу 	<ul style="list-style-type: none"> – доля затрат на НИОКР в ВРП, %; – число ученых и инженеров, занятых в НИОКР, на 10 000 чел.; – число жителей страны, подавших патентные заявки, на 1 млн чел.; – доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет, %; – доля студентов среди населения в возрасте 18–22 лет, %; – число телевизоров на 100 домохозяйств; – число ПК на 100 домохозяйств

Окончание табл. 2

Модернизация	Индикаторы		
	экономические	социальные	уровня знаний
Интегрированная	– ВРП на душу, дол. США; – ВРП на душу населения по паритетной покупательной способности, дол. США; – доля добавленной стоимости сферы услуг в ВРП; – доля занятых в сфере услуг	– доля городского населения во всем населении, %; – число врачей на 1 000 чел.; – ожидаемая продолжительность жизни, лет; – экологическая эффективность (отношение ВРП на душу к расходам энергии на душу)	– доля затрат на исследования и разработки в ВРП, %; – число жителей, подающих заявки на патенты, на 1 млн чел.; – доля студентов вузов среди населения в возрасте 18–22 лет, %; – число пользователей Интернета на 100 чел.

В предложенной Центром исследований модернизации Китайской академии наук методике оценки ИПМ в качестве стандартных для этой стадии модернизации были приняты средние значения индикаторов, которые были достигнуты к 1960 г. в 19 наиболее развитых индустриальных странах. Индекс развития отдельных индикаторов вычисляется методом пропорциональных отношений. Максимальное значение соответствия ПМ может равняться 100 % (если значение индикатора превышает стандартное, то оно также считается равным 100 %) (для ИМ максимум равен 120 %). Наконец, степень осуществления модернизации определяется путем подсчета средней арифметической величины всех индикаторов.

По результатам исследования модернизации в 131 стране мира, проведенного ЦИМ КАН, Россия в 2006 г. являлась экономически среднеразвитой страной, которая не входила в 20 развитых стран мира. Нами были рассчитаны индексы – ИПМ, ИВМ и ИИМ – для Тюменской области, а также для остальных регионов УФО [10].

Итоги измерения уровня модернизации в регионах УФО

Индекс осуществления ПМ в УФО в 2000 г. составил 91,8 % (рис. 4). Отметим, что все регионы Сибири и Урала в этот момент находились примерно на одном уровне. В этот период был достигнут уровень 100 % от стандарта развитых стран по доле лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых, доле добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП, по доле городского населения, числу врачей на 1 000 чел., младенческой смертности, уровню грамотности среди взрослых, доле студентов, получающих высшее образование, среди населения в возрасте от 18 до 22 лет. Далее макрорегион стал несколько отставать от необходимых темпов модернизации, и к 2010 г. ПМ так и не была полностью реализована (уровень 98,8), в первую очередь за счет низкой доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП – 40 % при стандарте 45 % к ВРП, а относительные показатели ухудшились.

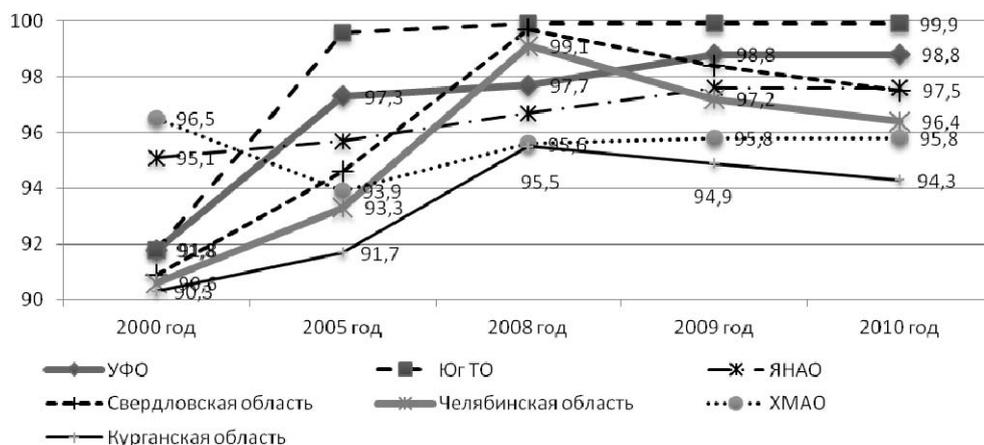

Рис. 4. Динамика индекса осуществления первичной модернизации в УФО

Структура индикаторов демонстрирует нам различные причины отставания развития регионов УФО от среднероссийских темпов:

если в Курганской, Челябинской и Свердловской области это низкий уровень ВРП на душу населения и ожидаемой продолжительности

жизни, то в ХМАО и ЯНАО – нефтегазодобывающая специализация региона.

Свердловскую и Челябинскую области, где 24 % работающих заняты в обрабатывающей промышленности, можно отнести к группе старопромышленных регионов с типом экономики третьего технологического уклада, и здесь сосредоточена основная доля обрабатывающей промышленности. Челябинская область в большей степени, чем Свердловская, зависит от ВПК и тяжелой промышленности советского (дориночного) типа, где невысок уровень экономической эффективности. ХМАО-Югра и ЯНАО – основные нефтегазодобывающие регионы России. В Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО) до 14 % занятых приходится на добывающую промышленность (в ХМАО – 21 %, в ЯНАО – 20 %). Тюменская область (юг) – это скорее сервисный регион, традиционно развивавшийся как управленчески-транспортная зона, дополнение к северным нефтегазодобывающим провинциям, поэтому здесь доминируют бюджетные сферы, слабо развита промышленность. Обращает внимание очень малое количество предприятий, зарегистрированных в Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО), особенно мало их число в ЯНАО. Сильная сторона юга Тюменской области – относительно высокий (по среднероссийским меркам) уровень бюджетной обеспеченности, и как следствие наблюдаются очень высокие темпы

распространения заимствованных инноваций в сфере потребления при практически отсутствующей собственной инновационной активности как населения, так и экономики в целом. Северные нефтегазодобывающие провинции – ХМАО-Югра и ЯНАО – аккумулируют в себе как все самые сильные стороны российской экономики и политики, реализуемые в настоящее время, так и практически все «больные вопросы»: признаки «голландской болезни», высокий уровень доходов работников профильной отрасли наряду с явной недообеспеченностью работников сопутствующих отраслей, высокая степень зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, моноотраслевая структура экономики. При этом накладываются собственные проблемы – это северные территории, часто труднодоступные, с тяжелыми климатическими условиями, с чрезвычайно высокими издержками освоения как для людей, так и в целом для экономики. Еще в советское время в ХМАО было выбрано предпочтительно оседлое размещение трудовых ресурсов (строительство постоянных моногородов, поселков рабочего типа и пр.). В ЯНАО освоение происходило по двум направлениям – оседлому и мобильному, с преимущественно вахтовым способом размещения трудовых ресурсов.

Указанные особенности сказались на отставании регионов УФО от темпов модернизации даже по среднероссийским меркам (табл. 3).

Таблица 3

Индекс вторичной модернизации и его составляющие*
(индекс инновации в знаниях, индекс трансляции знаний,
индекс качества жизни, индекс качества экономики)**

Регион	2000 год	2005 год	2008 год	2009 год	2010 год
Россия	61,6: (55,7/ 59/ 82,3/ 49,5)	66,2: (52,6/ 81,2/ 86,3/ 44,6)	69,8: (51,8/ 84,7/ 91,6/ 51)	70,4: (48,8/ 85,4/ 93/ 54,3)	72: (53,1/ 88,9/ 93,2/ 52,7)
УФО	56,2: (38/ 58,4/ 84,3/ 43,9)	63,1: (43/ 79,8/ 88,9/ 49,7)	67,4: (33,3/ 88,6/ 94,3/ 53,6)	66,6: (32/ 88,4/ 98,6/ 49)	66,1: (33,9/ 88,1/ 95,7/ 46,9)
ХМАО	58,2: (8,7/ 62,1/ 91,1/ 71,1)	69,4: (13,5/ 87,6/ 97,9/ 78,5)	76,3: (15,1/ 98,6/ 106,9/ 84,5)	74: (15,2/ 93,7/ 107,3/ 79,9)	74: (12,5/ 97,1/ 108,3/ 78,1)
Юг Тюменской обл.	57,4: (42,5/ 61,4/ 78,7/ 47,2)	69: (29,3/ 85,3/ 86,6/ 74,7)	68,3: (38,3/ 87,9/ 90,4/ 56,7)	69,6: (39/ 93,9/ 91,9/ 53,7)	71,3: (46,8/ 94,5/ 93,1/ 50,9)
Свердловская обл.	61: (63/ 57,2/ 85,8/ 37,8)	65,4: (53,8/ 77,5/ 89,9/ 40,2)	68,6: (49,5/ 84,9/ 95,1/ 44,8)	69,3: (48,3/ 84,5/ 100,5/ 43,9)	69,2: (51,9/ 84,1/ 98,8/ 41,8)
ЯНАО	56,5: (3,5/ 71,4/ 85,9/ 65,6)	65: (3,1/ 91,8/ 90,1/ 75,1)	70: (4,2/ 98,8/ 92/ 85,2)	68,9: (2,2/ 101,5/ 92,6/ 79,3)	68,9: (4,2/ 101,1/ 91,3/ 79,1)
Челябинская обл.	58: (53,9/ 58,5/ 83,6/ 36,1)	64,4: (52,8/ 80,3/ 88,3/ 36,1)	67,2: (45,2/ 90,9/ 92,6/ 40)	67,3: (43,8/ 91,4/ 94,9/ 39)	67,6: (50,2/ 89,1/ 94,1/ 37,1)
Курганская обл.	45,6: (21,4/ 56/ 71/ 34)	50,4: (14,1/ 73,1/ 77,8/ 36,4)	53,7: (13,2/ 78,5/ 83,5/39,6)	53,5: (11,3/ 78,8/ 82,8/ 40,7)	54: (13,1/ 79,3/ 84,3/ 39,1)

* Регионы проранжированы по убыванию ИВМ за 2010 г.

** Далее в таблице запись, например, 45,6: (21,4/ 56/ 71/ 34) означает, что ИВМ = 45,6; индекс инновации в знаниях = 21,4; индекс трансляции знаний = 56; индекс качества жизни = 71; индекс качества экономики = 34.

После 2008 г. темпы роста экономики настолько снизились, что произошло снижение относительного уровня реализации ВМ. Более низкий показатель SMI-индекса ВМ в Курганской области вполне предсказуем, поскольку это наименее развитый в промышленном отношении регион УФО, а темпы роста экономики невысоки (8,4 % за 10 лет). Из четырех групп параметров этой стадии модернизации к 2010 г. в УФО наиболее высоки значения индекса качества жизни (95,7 %). Основные ограничения в этой сфере: невысокая ожидаемая продолжительность жизни, высокий уровень младенческой смертности и низкая энергетическая эффективность.

Главные препятствия в реализации ВМ – невысокая ожидаемая продолжительность жизни и высокий уровень младенческой смертности – характерны для всех регионов УФО, но особенно значимо эти проблемы проявляются в Курганской области и ЯНАО, хотя причины появления проблем принципиально различны.

По показателю качества экономики УФО отстает от среднероссийского уровня. Если в 2000 г. EQI-индекс качества экономики равнялся 43,9, то в 2010 г. – 46,9, что ниже стандарта развитых стран более чем в два раза. Наиболее выгодное положение за счет нефтегазодобывающих провинций – ХМАО и ЯНАО – занимает Тюменская область, что связано с высоким уровнем ВРП на душу населения. Но на юге области этот показатель существенно ниже – 50,9 %, точно так же и показатели УФО (49 %) ниже общероссийского уровня (52,7 %).

В целом по УФО из 15 показателей индекса реализации ВМ два (доля городского населения и число врачей) к 2000 г. превысили средний уровень развитых стран, но остальные 13 невысоки. Наиболее плачевная ситуация сложилась в сфере инноваций в знаниях (175 жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн чел., что составило 23,5 % от уровня развитых стран, доля затрат на НИОКР – 0,67 от ВРП, или 27,9 % от уровня развитых стран).

Результатом ВМ являются формирование наукоемкого общества, информатизация, развитие сферы услуг, сетевое взаимодействие, распространение цифровых технологий, готовность к инновациям, обучение на протяжении всей жизни и т. п. Соответственно, наиболее важны при анализе ИВМ именно индексы трансляции знаний и инноваций в знаниях. При этом трансляция знаний прямо связана с уровнем развития первичной модернизации (экономического развития), а инновации в знаниях требуют уже запуска новых механизмов, прису-

щих современному обществу. Например, в относительно богатой Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО), несмотря на значительный рост индекса трансляции знаний, более высокий уровень образования населения, относительно (по российским меркам) высокий подушевой доход, роста инновационной активности не происходит. Более того, за рассматриваемый нами период во многих регионах УФО индекс инноваций в знаниях снижается: в Свердловской области с 63 до 51,9, в Челябинской – с 53,9 до 50,2, а в Курганской – с 21,4 до 13,1.

Курганская область имеет самые низкие показатели по ВРП на душу населения, составляющие в 2010 г. 3 806 дол. США, или 47,6 % от стандарта развитых стран, ожидаемая продолжительность жизни 67 лет. В Челябинской области ВРП на душу населения в 2010 г. достиг 5 365 дол. США, или 67,1 от стандарта развитых стран, а ожидаемая продолжительность жизни 68 лет. Наименее развита промышленность в Курганской области, где доля муниципальной собственности составляет 14 %, государственной 7 %.

В ХМАО, регионе с относительно высоким уровнем ВРП на душу населения (39 417 дол. США), не реализована структурная модернизация в силу нефтегазодобывающей специфики региона. Доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП в ХМАО к 2010 г. достигла 26 %, что составляет 57,8 % от стандарта развитых стран. Поэтому первичная модернизация в регионе не завершена, и уровни показателей, входящих в индекс, разбалансированы. Отметим, что в ЯНАО, где отраслевая специфика выражена наиболее ярко, доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП к 2010 г. достигла 34 %, что составляет 75,6 % от стандарта развитых стран, а уровень несбалансированности составляющих индекса невысок.

Денежные доходы населения росли практически пропорционально во всех регионах. Лидером оставался ЯНАО, что обусловлено не только нефтегазовыми доходами, но и северными надбавками к оплате труда. ХМАО, несколько отставая по темпам в период после 2008 г., остается на втором месте. В этом регионе также выплачивается северный коэффициент к оплате труда, но он несколько ниже, чем на Крайнем Севере. Самый низкий уровень доходов населения – в Курганской и Челябинской областях.

Положительный миграционный баланс и положительный естественный прирост населения привел к тому, что население северных автономных округов существенно моложе. Од-

нако, и на севере население стареет: за последние 15 лет произошло существенное снижение числа занятых на одного человека в Тюменской области, прежде всего в северных округах. Но пока северные регионы сохраняют преимущество не только в природном потенциале, но и по качеству трудовых ресурсов.

Сегодня становится очевидным, что торможение модернизационных процессов имеет два контекста: территориально и структурно-обусловленный. Во-первых, территориальная неравномерность размещения природных ресурсов в рассмотренный период не была компенсирована адекватным размещением производственных и человеческих ресурсов. Фактически процесс происходил стихийно, территориальными аттракторами накопления выступали нефтегазодобывающие провинции, не приспособленные природноресурсными факторами к развитию современных сфер производства.

Во-вторых, опережение социальной составляющей слабо или вовсе не подкреплялось развитием когнитивной компоненты, а в регионах со слабым производственным потенциалом (Курганская область) или низкоэффективной структурой промышленности (Челябинская область) – экономической компоненты. Необходимо отметить, что наивысший уровень сбалансированности ИИМ достигнут на юге Тюменской области, но общий уровень развития невысок.

Весь период наблюдений отстает от среднего уровня экономического развития Курганская область. В Курганской области 15 % населения заняты в сельском и лесном хозяйстве, 15 % в обрабатывающем производстве. Это регион с традиционным укладом, с большой долей сельского хозяйства в ВРП, существенно зависимый от потребления его продукции соседними промышленными регионами, с высоким уровнем безработицы и низким уровнем доходов населения. Сильная сторона Курган-

ской области – потенциал размещения производства с реализацией конкурентных преимуществ – относительно низкой требовательностью и высокой емкостью рынка труда, наличием логистических цепочек как с традиционными рынками сбыта, которые граничат с областью, так и с северными нефтегазодобывающими регионами, – так и не была реализована.

Если судить по данным об уровне образования, культурный потенциал населения более быстрыми темпами накапливался в наиболее ресурсообеспеченных регионах. Накопление обеспечивалось опережающими темпами развития высшего образования в Свердловской, Челябинской и на юге Тюменской области, которые выступали донорами для северных нефтегазодобывающих регионов. Эти темпы были столь высоки, что в 2005 г. дипломы с высшим образованием получило почти 100 % от выпуска школ 2000 г., в 2010 г. эта доля составила 79 % для всего УФО.

Культурный капитал населения растет гораздо медленнее, чем общий уровень образования, другие социально-экономические показатели. В период после 2000 г. почти в два раза выросла численность исследователей с учеными степенями в Курганской и Тюменской областях, однако прием и выпуск в докторантуру и аспирантуру, посещаемость театров и библиотек, музеев практически не выросли, а кое-где и снизились. Значительный прогресс, достигнутый в сфере обеспечения спортивными сооружениями и компьютеризации населения, – это снова результат накопления ресурсов, направленных на развитие социальной сферы. Более высокий, чем в среднем по России, уровень развития социальной сферы привел к гипертрофированному развитию сферы управления в Тюменской области и, в итоге, к тому, что в рейтинге по индексам незащищенности на первое место в регионе вышел произвол чиновников (табл. 4).

Таблица 4

**Уровень незащищенности* жителей от острых проблем-опасностей
(в % от опрошенных в Тюменской (2013), Челябинской (2011) и Свердловской (2008) областях)**

Показатели	Регионы				
	ХМАО	ЯНАО	юг Тюменской обл.	Челябинская обл.	Свердловская обл.
Произвол чиновников	42	46	49	56	53
Преступность	42	47	48	61	55
Бедность	42	48	47	57	54
Экологическая угроза	42	42	44	56	52
Среднее (по 10 проблемам)	29	34	32	38	35
Индекс защищенности (по 4 наиболее важным)	0,62	0,6	0,61	0,62	0,58

* Уровень незащищенности вычисляется как сумма ответов «совсем не защищен», «пожалуй, не защищен».

Для анализа были привлечены данные социологических опросов, проведенных в период 2006–2013 гг. в рамках проекта «Социокультурные портреты регионов России» [11; 12]. Тюменский коллектив принимает участие в этом проекте с 2005 г., за этот период было проведено четыре волны исследования, выборка составила 4 000 (2006 г.), 4 510 (2009 г.), 5 567 (2011 г.) и 3 054 (2013 г.) респондентов. В инструментарии использовался стандартный набор из десяти проблем-опасностей для самооценки уровня защищенности по каждой из них [13, с. 15]. Среди десяти выделенных проблем-опасностей первенство удерживают преступность, произвол чиновников, бедность и экологическая угроза. Но рейтинг наиболее актуальных проблем зависит от типа региона

(см. табл. 4). Актуальность первых четырех проблем настолько высока, что доля граждан, чувствующих себя незащищенными по анализируемым показателям, приближается к половине респондентов, а в Свердловской и Челябинской областях превышает половину.

Динамика индекса защищенности населения Тюменской области демонстрирует резкий спад в 2011 г., и в 2013 г. показатели практически вернулись к докризисному уровню 2006 г. Индексы уровня защищенности жителей Челябинской и Свердловской областей колеблются в том же диапазоне, но жители Свердловской ощущали себя значительно менее защищенными, чем жители Тюменской и Челябинской областей (рис. 5).

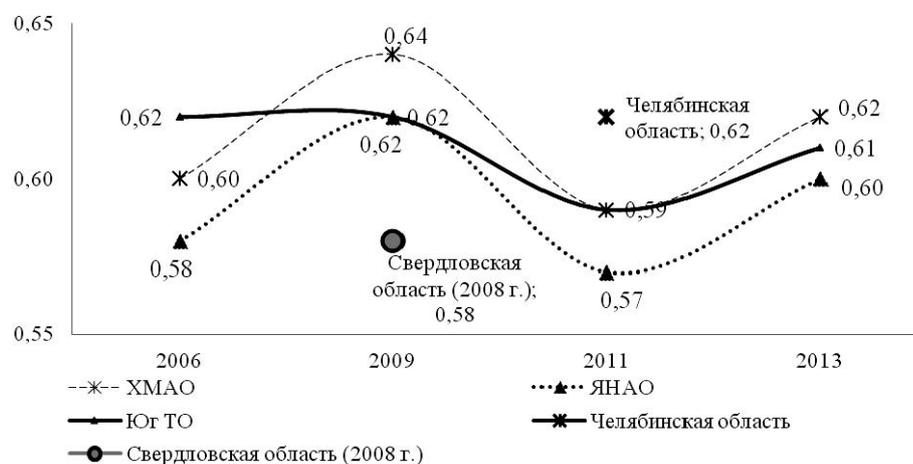

Рис. 5. Динамика индексов защищенности от опасностей (Кз) по субъектам Тюменской области, Свердловской (2008 г.) и Челябинской (2011 г.) областям (правила подсчета индексов представлены в [13, с. 64–65])

Жители более развитых регионов менее патерналистски настроены, создаются предпосылки для формирования гражданского общества. Однако россиянам предстоит пройти еще большой путь в направлении формирования современного, модернизированного уклада социальной жизни. В Челябинской и Свердловской областях работают Уральский федеральный университет, Южно-Уральский национальный исследовательский университет, но пока отдача от огромных финансовых вложений в них весьма скромна. По научному потенциалу Свердловская и Челябинская области выделяются в УФО, но это, скорее, лидерство среди аутсайдеров, нежели реальное научное лидерство на уровне мировых стандартов. Согласно данным Минобрнауки за 2012 г., число публикаций, индексируемых в WoS и Skopus, на одного работника вузов Свердловской области составило 6,1 %, Челябинской области – 2,9 %, Тюменской области (юг) – 2,9 %, ХМАО –

2,7 %. Входящие в Тюменскую область ХМАО, ЯНАО и сервисный субрегион – юг Тюменской области – объективно не могут отойти от своей сырьевой специализации. В этих регионах высокий уровень экономической активности определяется, во-первых, более молодым, чем в среднем по России, населением и, во-вторых, низким уровнем безработицы. В этих регионах сформировался высокий образовательный уровень рабочей силы. Но имеющийся потенциал либо не реализуется, либо реализуется слабо. Так, почти не используются современные технологии добычи и транспортировки нефти и газа, нарастает эффект старения основных фондов. Слабо используется эффект масштаба от объединения кластеров экономики посредством четких логистических цепочек, обеспечивающих перенос капиталов, товаров и знаний не только внутри регионов, но и между соседними регионами. Этому мешают чрезмерная централизация, особенно усилившаяся в по-

следние пять лет; сетевая экономика как база экономики знаний в таких условиях просто не может развиваться. И неизбежно все связи принимают центристремительный (центробежный) характер (Москва – регионы). На фоне таких взаимоотношений усиливаются ожидания населения по отношению к власти, нарастает патернализм, слабеет экономическая мотивация. Например, в Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО) желание работать на предприятиях, находящихся в чьей-то частной собственности, в 2013 г. выразило менее 25 % от числа работающих на этих предприятиях, тогда как в 2006 г. доля предпочитающих работу на частных предприятиях превышала долю занятых в них на 10 %, а желание работать на предприятиях с участием государства стабильно высказывает около 45 % опрошенных [14]. Доля работников, желающих иметь собственный бизнес, снизилась с 26 до 15 % в период с 2006 по 2013 г., а реально по выборке доля работающих на собственных предприятиях колеблется в пределах 3–4 %.

В заключение следует отметить, что препятствия в развитии знаниевой экономики не могут быть преодолены директивно-нормативным путем, а последствия отставания в этой сфере будут только нарастать. Россия попала в сильную зависимость от природной ренты, генерируемой в добывающих секторах экономики. Энерго-сырьевой вариант развития поддерживается комплексом интересов властных элит, промышленных и инфраструктурных секторов экономики, основанных на сформировавшихся цепочках распределения ренты. В таком случае преодолеть инерцию энерго-сырьевого развития становится практически невозможно. Из представленной логики следует неизбежный вывод: переход к развитию, основанному на инновациях, может начаться лишь при значительном сокращении объемов природной ренты или ее перераспределении в интересах России. Следует особо подчеркнуть, что модернизация либо вообще не будет реализовываться (в наиболее депрессивных регионах), либо темпы модернизации будут замедляться и в дальнейшем. Вогнутость кривой фазовых переходов регионов УФО как основных регионов энергозависимой экономики России демонстрирует замедление темпов. И это происходит несмотря на то, что Россия остаётся одной из ведущих энергетических стран мира, цены на нефть несколько раз за анализируемое десятилетие побивали исторические максимумы, потребности мировой экономики далеки от насыщения, а прогноз развития России сводится к тому, что темпы роста ВВП и далее будут замедляться.

1. Тюменская область в цифрах : крат. стат. сб. : в 4 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2014. – Ч. 1. – 261 с.

2. Труд и занятость в России. 2013 : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 661 с.

3. Huber J. Die Regenbogengesellschaft; Okologieand Sozialpolitik. – Frankfurt am Main : Fischer, 1985.

4. Beck U. Risk Society: Toward a New Modernity. – London : Sage, 1992.

5. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. – Stanford, California : Stanford University Press, 1994.

6. Die Modernisierung Moderner Gesellschaften / W. Zapf, ed. – Frankfurt : Campus Verlag, 1991.

7. Tiryakian E. Modernization; Exhumer in Pace (Rethinking Macrosociology in the 1990s) // International Sociology. – 1991. – № 6(2). – P. 165–180.

8. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци ; рус. пер. под ред. Н. И. Лапина. – М. : Весь мир, 2011.

9. Sun L. Social Modernization. – Beijing : Huaxia Press, 1988.

10. Ромашикина Г. Ф., Тарасова А. Н. К вопросу об измерении стадий модернизации (на примере Тюменского региона) // Цивилизация и модернизация : матер. рос.-кит. конф. (Москва, 29–31 мая 2012 г.). – М. : ИФРАН, 2013. – С. 152–160.

11. Лапин Н. И. Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона» : сб. матер. Всерос. науч.-метод. конф. (14–16 сентября 2006 г.) / отв. ред. В.В. Мельник. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2006. – Ч. II.

12. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010.

13. Социокультурный портрет Тюменской области : монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашикина, В. А. Юдашкин. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2011.

14. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона : монография / Е. В. Андрианова и др. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2013.